

А. Б. НИКОЛАЕВ

«ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ»: ПЕТРОГРАДСКАЯ ПОЛИЦИЯ В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

В отечественной историографии долгое время не уделялось должного внимания изучению истории петроградской полиции в дни Февральской революции. Хотя в трудах некоторых советских исследователей присутствует мнение о том, что полиция принимала активное участие в подавлении народного движения и была той силой, которая до конца осталась верна самодержавию в Петрограде в дни Февраля 1917 года¹. В современной историографии произошла некоторая подвижка в изучении истории петроградской полиции. Современные ученые, в частности, стали уделять внимание насилию, которое творили восставшие над полицейскими². Но вплоть до сегодняшнего дня так и не изучен вопрос о переходе представителей правоохранительных органов на сторону революции³. Вместе с тем в некоторых работах встречаются упоминания об этом. Так, Б. И. Колоницкий в монографии «Символы власти и борьба за власть» пишет: «<...> под звуки “Марсельезы” подошел к Государственной думе даже жандармский дивизион». Сомневаясь в искренности жандармов, он обозначил их шествие как проявление политической

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)» № 12-31-10020.

¹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. А. Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С. 65, 77; Минц И. И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 472; Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России / Отв. ред. В. Я. Лаверычев. М., 1982. С. 164, 179.

² Николаев А. Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С. М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 171–172, 175–177; 2) Февраль 1917 года: Государственная дума и революционное насилие // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2003. № 1. С. 7–10; 3) Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г.: дис. ... д. ист. н. СПб., 2005. С. 671–675, 682–684, 687–688; 4) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года: Монография / Научн. ред. Б. Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 459–461, 466–468, 470.

³ Исключение составляет наша статья, опубликованная в сборнике «Герценовские чтения», который малодоступен читателям: Николаев А. Б. Из истории столичной полиции в феврале 1917 г.: разгром 4-го полицейского участка Петроградской части // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и уч.-метод. тр. СПб., 2012. С. 122–130.

мимикрии⁴. Подробнее об этом же событии находим в труде Р. Пайпса «Русская революция»: среди бесчисленных депутатий, которые с 27 февраля по 1 марта стекались к Таврическому дворцу выразить Государственной думе «свою поддержку и верность» была «даже жандармская рота, прошествовавшая к Таврическому дворцу под звуки “Марсельезы” с развернутыми красными знаменами»⁵. Далее он замечает: «Резкая перемена настроений части наиболее нелиберального слоя петроградского общества – <...> жандармов, полицейских, всего несколько дней назад бывших опорой монархии, можно объяснить только одним – страхом»⁶. Утверждение о том, что «страх» был единственным фактором, определившим смену настроений части представителей правоохранительных органов царской России, является дискуссионным. Не смотря на это, некоторые исследователи безоговорочно принимают его⁷. Весьма ценными являются слова Р. Пайпса о переходе на сторону революции петроградских полицейских. Но каких-либо доказательств этому он не приводит. В связи с этим можно утверждать, что научная проблема, суть которой состоит в выяснении вопроса о том, перешли ли петроградские полицейские на сторону революции или нет, лишь обозначена, но не решена. Одним из препятствий этому являлось то, что долгое время источники, по которым можно было бы восстановить настроения и действия петроградских полицейских в дни Февраля 1917 года, были недоступны исследователям.

---

⁴ Колоницкий Б. И. 1) Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2001. С. 31–32; 2) То же. 2-е изд. СПб., 2012. С. 30.

⁵ Описывая приход жандармов к Таврическому дворцу, Р. Пайпс ссылается на работу С. П. Мельгунова «Мартовские дни». В свою очередь Мельгунов отсылает читателя к запискам коменданта Таврического дворца Г. П. Перетца (См.: Мельгунов С. П. Мартовские дни. М., 2006. С. 104). Перетц пишет: «<...> 1 марта к зданию Государственной думы с красными флагами, под звуки “Марсельезы” прибыл <...> и петроградский жандармский дивизион, также засвидетельствовать свою верность на службу народу» (Г. П. (полк. Г. Г. Перетц). В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Репринтное воспроизведение / Послесл. А. В. Островского. СПб., 1997. С. 51–52). О приходе жандармов сообщалось и в прессе. Так, 1 марта «Известия “Комитета петроградских журналистов”» писали: «С каждым днем размеры революционной армии растут. В течение сегодняшнего утра к восставшему народу присоединились: <...> нижние чины жандармского дивизиона <...>» (Рост революционной армии // «Известия» Комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта. № 4 (Типогр. Т-ва А.С. Суворина – «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

⁶ Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. М., 2005. Кн. 1. С. 389.

⁷ См., напр.: Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 415.

Речь в данном случае идет о документах Низшей следственной комиссии⁸ и особых следственных отрядов (ОСО)⁹, которые характеризуют, как настроения, так и конкретные действия отдельных полицейских накануне и в дни Февральской революции. Среди этих документов, рассекреченных соответственно в 1993 г.¹⁰ и 1990 г.¹¹, выявлены такие, которые сообщают о переходе полицейских на сторону восставших. Они то и будут рассмотрены нами для раскрытия темы исследования.

В первую очередь обратим внимание на 4-й полицейский участок Петроградской части (ул. Большая Зеленина, д. 27)¹². Приставом этого участка

⁸ С 6 марта 1917 г. – Следственная комиссия при Государственной думе. См. о Низшей следственной комиссии подробн.: Николаев А. Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки. С. 185–199; 2) Революция и власть: Монография. С. 488–507; 3) Низшая следственная комиссия // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 409–410.

⁹ См. об ОСО подробн.: Николаев А. Б. Особые следственные отряды (Петроград, 1917 г.): механизм функционирования // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2011. С. 170–190.

¹⁰ До начала 1990-х гг. фонд 1279 (Следственная комиссия при Государственной думе), отложившийся в РГИА, был закрыт для исследователей. Единственным историком, допущенным к работе с ним, был Г. И. Злоказов, который в апреле 1964 г. просмотрел несколько дел, но материалы их в своих исследованиях не использовал. 1 декабря 1993 г. этот фонд был рассекречен (Приказ директора РГИА за № 34 от 1 декабря 1993 г.), а 17 января 1994 г. передан на открытое хранение (Акт о передаче документов на открытое хранение за № 2 от 17 января 1994 г.). Но и после этого он оставался фактически недоступным исследователям, т.к. не был внесен в реестр описей фондов открытого хранения. Иначе говоря, историки не знали о существовании этого фонда. Правда, И. В. Лукоянов в апреле–сентябре 1997 г. ознакомился с делами фонда 1279. Но, насколько можно понять из записей на листах использования, Лукоянов выписок не делал. Благодаря информации, полученной от сотрудника РГИА Б. М. Витенберга, удалось изучить документы Следственной комиссии всего – 2420 листов 35 дел (3 дела – 35, 37 и 38 – не имеют прямого отношения к событиям Февральской революции в Петрограде). В настоящий момент ф. 1279 внесен в реестр описей фондов открытого хранения и стал доступен для ученых, изучающих историю Февральской революции.

¹¹ Фонд 1699 (Коллекция документов следственных отрядов, организованных Временным правительством по участкам Петрограда, 1917 г.), хранящийся в ЦГИА СПб, включает в себя 196 дел: по описи 1–193, а по описи 2–3 дела. 10 апреля 1974 г. было рассекречено 3 дела, которые вошли во 2-ю опись. И только 28 августа 1990 г. состоялось рассекречивание всех материалов фонда 1699. Одновременно на открытое хранение было передано 2 экземпляра описей и дело фонда (ЦГИА СПб. Дело фонда 1699. ЛЛ. 14, 20). Но и после этого по техническим причинам материалы фонда были ученым недоступны. Нам удалось первым с ноября 2010 по май 2012 гг. изучить все дела этого фонда, кроме д. 79 (Колцов (так в описи – А.Н.) Василий Никитич), которое на 17 мая 2011 г. находилось в розыске.

¹² См. подробн.: Николаев А. Б. Из истории столичной полиции в Феврале 1917 г.: разгром 4-го полицейского участка Петроградской части // Герценовские чтения 2011. С. 122–130.

был надворный советник Владимир Николаевич Касаткин, который, по словам одного из жителей Петроградской стороны, «никогда не являлся сторонником старого режима, что подтверждается симпатиями к нему рабочих его участка»¹³. Достаточно подробные сведения о том, что происходило в Управлении 4-го участка 27 февраля 1917 года, содержатся в показаниях, как самого пристава Касаткина, так и свидетелей допрошенных в ОСО по его делу. Касаткин рассказал, что утром 27 февраля он получил распоряжение от полицмейстера полковника Н. П. Спиридонова¹⁴ «снять посты городских улиц и <...> всех свободных городских собрать в управлении участка, что и было исполнено»¹⁵. Надворный советник Михаил Петрович Львов передавал слова Касаткина о том, что он «еще днем распорядился снять все посты городских и запретил им стрелять»¹⁶. Думается, что это произошло во время смены постов, т.е. в 12 часов дня, а не утром, как утверждал свидетель коллежский секретарь А. И. Янов со слов помощника паспортиста Луцевича¹⁷, пристав «распорядился не стрелять, если придет толпа»¹⁸. Вслед за этим Касаткин безуспешно, как он утверждал, пытался дозвониться «в разные участки, чтобы узнать, в чем именно проявляются беспорядки в городе. На телефонной станции отвечали, что или трубка снята, или не отвечают...». Как показывал Касаткин, днем в районе 4-го участка «было все спокойно»¹⁹. Около 4 часов дня пристав Касаткин в разговоре по телефону с доверенным фирмы «Кебке» В. С. Кутеповым рассказал ему, что «распорядился не оказывать сопротивления толпе, когда она явится к участку, и выйдет к ней со все-

¹³ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Boston; Leiden, 2012. Vol. 5. P. 18; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

¹⁴ Спиридонов Николай Петрович – полковник, пристав 2-го участка Спасской части (1906 – февраль 1917), полицмейстер IV отделения, сменил в этой должности генерал-майора В. Ф. Галле.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 12 об.

¹⁷ Там же. Л. 10 об.

¹⁸ Там же. Л. 10. Свидетельница А. С. Куприянова показала в ОСО: «Городовой Яков Волков утром 28 февраля говорил мне, что когда они, городовые, вечером 27 февраля собрались в участке, то пристав Касаткин сказал им: “чтобы они не стреляли, если придут рабочие, а сдались бы и выдали бы оружие”» (ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. Л. 9). Полицейский надзиратель Юлиан Францевич Шембак заявил, что 27 февраля пристав Касаткин предупредил полицейских надзирателей и городских, чтобы они «не стреляли в толпу» (Там же. Л. 9 об.). Следуя содержанию показаний Шембака, это предупреждение было сделано именно до 5 часов вечера.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 17–17 об.

ми служащими, заявив о своей готовности служить новому правительству». Видимо, это было личное решение пристава, о котором он еще не успел сообщить полицейским и служителям своего участка. В свою очередь Кутепов посоветовал Касаткину «уходить с семьей из участка, т.к. в толпе слышал, что хотят поджечь»²⁰. Хотя, по словам пристава, и ближе к вечеру, когда по Большой Зелениной стали проходить толпы рабочих, ему «передавали приходившие частные лица, [что] многие[,] проходя мимо участка говорили: «этот участок трогать не надо, в нас никогда не стреляли». Вечером Касаткин продолжал получать информацию от частных лиц, из которой следовало, что «в городе идут разговоры об изменении существовавшего строя и установления Временного правительства». В связи с этим он, наконец, решил поставить в известность своих подчиненных о процедуре перехода на сторону новой власти. Вот, как он сам об этом рассказывал уже после революции: «<...> собрав своих помощников и надзирателей[,] сообщил им полученные мной сведения и рекомендовал при приходе к нам представителей рабочих заявить, что мы все присоединяемся к новому строю и сдать оружие»²¹.

Время шло, а в участок никто из восставших не приходил. Полицейские стали самовольно, как утверждал пристав, покидать участок²².

Около 6 часов вечера, проходя с толпой рабочих и солдат по Большой Зелениной улице, землемер Ф. Н. Касаткин зашел в участок к своему брату-приставу. Позднее он показывал, что посоветовал и ему, и прочим чинам полиции «не делать никаких активных выступлений против народа, а тем более не стрелять в народ». Федор Касаткин с гордостью заявил: «Совет мой был принят и до 10-ти часов вечера из здания 4 уч[астка] Петроградской части не последовало ни одного выстрела»²³. Хотя, пристав это решение принял уже ранее и озвучил перед подчиненными.

Как показывал позднее пристав Касаткин, он «часов в 9 или 10 вечера опять позвонил по телефону полицмейстеру полковнику Спиридонову и запросил инструкцию о том, что «делать со всеми сослуживцами[,] собранными в участке». Спиридонов ответил: «держаться прежнего распоряжения, т.е. всех держать в участке». Полицмейстер добавил, как сообщил пристав, что «он сам хотел получить указание от градоначальника, но не может дозво-

---

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 17 об.

²² Там же. Л. 18.

²³ Там же. Л. 21.

ниться»²⁴. Именно после разговора с полицмейстером Спиридоновым Касаткин принял решение разоружить участок. Он предложил «городовым убрать все оружие в сарай во дворе и обезоруженными ожидать прихода представителей рабочих»²⁵. Заметим, что в момент разоружения в участке присутствовал доверенный фабрики «Кебке» Кутепов. Он утверждал, что пристав Касаткин разоружил городских «к 8 часам вечера». При участии Кутепова оно и было передано восставшим. В пользу этого утверждения говорят показания самого пристава. Он показал, что оружие было разобрано из сарая «около 9 часов вечера восставшим народом, в моем присутствии»²⁶. Судя по дальнейшим событиям, среди этих восставших не было представителей рабочих, которым пристав Касаткин собирался заявить о переходе полицейских его участка на сторону революции.

Представители рабочих, которых ожидал пристав, так и не появились. Вместо них к участку подъехали автомобили с солдатами, которые обстреляли участок, заняли его, а затем и подожгли. По словам Кутепова, участок стали поджигать в «10-м часу вечера»²⁷. Как и остальные свидетели, он показывал, что из участка не стреляли ни до поджога, ни во время его²⁸. Пристав Касаткин и оставшиеся с ним 8 городских и 2 надзирателей успели покинуть участок через «заднюю дверь»²⁹. Заметим, что в прессе встречается утверждение о том, что пристав Касаткин был убит в дни революции, а тело его

---

²⁴ Там же. Л. 18.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 11 об.

²⁸ Полицейский надзиратель 4-го участка Петроградской части Эрнест Карлович Закке 17 марта 1917 г. говорил члену-обследователю Комиссии по обследованию мест заключения Петрограда, что «из участка никто не стрелял» (ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 52. Л. 2 об.). А.И. Янов показал 25 марта в ОСО: «<...> я видел, что из участка не было произведено ни одного выстрела» (Там же. Д. 63. Л. 10.). Ему вторил старший дворник дома № 44 по Большой Зелениной улице А. А. Шмелев, бывший вечером 27 февраля около управления участка, когда «подъехали автомобили с солдатами», который удостоверял, что «из участка не было сделано ни одного выстрела» (Там же. Л. 11). Рабочий завода «Вулкан» М.Л. Александров рассказывал: «Когда горел участок я стоял в стороне и не заметил, чтобы из участка стреляли» (Там же. Л. 13). Вечером 27 февраля свидетельница Куприянова находилась около управления участка и видела, как он горел. По ее словам, «в толпе говорили, что солдаты подожгли участок и дали по нему залп, но[,] что из участка не стреляли» (Там же. Л. 9). Рабочий Александров при допросе в ОСО сообщил: «Когда горел участок[,] я стоял в стороне и не заметил, чтобы из участка стреляли» (Там же. Л. 13).

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.

находилось в Обуховской больнице³⁰. В действительности, приставу Касаткину удалось благополучно покинуть участок и не погибнуть от рук восставших, в противном случае, нам бы не удалось ознакомиться ни с его показаниями, дважды данными в Комиссии по обследованию мест заключения (КОМЗ), ни с другими материалами дела ОСО по 4-му участку Петроградской части «О расследовании деятельности пристава Касаткина Владимира Николаевича», начатому 20 марта и оконченному 31 марта 1917 года³¹.

По схожему сценарию развивались события в Управлении и казармах 1-го полицейского участка Адмиралтейской части (Кирпичный пер, д. 1–4), приставом которого был подполковник Василий Юльевич Экгард. Городовой Степан Матвеевич Дмитрук 31 марта 1917 года показал в ОСО, что «<...> был приказ от пристава: “Не стрелять, Боже упаси”». Полицейский надзиратель Яков Севостьянович Володин рассказал о событиях 27 февраля: «Часа в 3–4 пристав говорил о том, чтобы мы войскам не сопротивлялись»³². Городовой Доминик Феликсович Земец 25 марта 1917 г. сообщил члену-обследователю КОМЗ, что пристав Экгард 27 февраля 1917 года приказал городовым: «Если придут военные власти (так в тексте – А.Н.)[,] отдать оружие»³³. Подробнее о событиях этого дня рассказал члену КОМЗ городовой Артемий Митрофанович Пустовойт: «27 февраля по распоряжению начальства своего участ[ка] (пристава Экгарда – А.Н.) в 11 час. дн[я] бросил службу, сдал оружие, и со всей командой во главе с приставом сидели в казармах ожидали <...>[,] когда придут к нам за оружием[,] но не дождались [–] никто не приходил, 28 февр[аля] в 6 час. утра пристав распорядился[,] что можно уходить[, кто] куда хочет»³⁴. Полицейский надзиратель этого участка Дмитрий Васильевич Васильев, давая показания члену-обследователю КОМЗ, обратил внимание на то, что «пристав подполковник Экгард добровольно явился в Госуд[арственную] думу и оставлен на свободе»³⁵. Московский «Вечерний курьер» писал: «Это – единственный пристав, который в первый день ареста полицейских чинов собрал всех городских и явился с ними в Гос[ударственную] думу»³⁶. Иначе говоря, пристав Экгард 27 февраля снача-

³⁰ Жертвы революции // Маленькая газета. 1917. 8 марта.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 1 – 27.

³² Там же. Д. 31. Л. 3.

³³ Там же. Д. 54. Л. 2.

³⁴ Там же. Д. 122 а. ЛЛ. 4–4 об.

³⁵ Там же. Д. 24. Л. 5.

³⁶ Уцелевший пристав / В Петрограде // Вечерний курьер. 1917. 14 марта.

ла по приказу вышестоящих полицейских властей снял городских с постов, а затем отдал приказы «не стрелять», «не сопротивляться военным», «отдать оружие» военным, если они придут. Не ограничиваясь этим, он несколько позднее собрал оружие у городских, намереваясь провести организованную его передачу восставшим солдатам («военным»). Но они так и не появились, в результате чего организованного перехода на сторону революции полицейских 1-го участка Адмиралтейской части не получилось. Поэтому Экгард распустил городских со службы, а сам отправился в Таврический дворец, где, предположительно, заявил о своем подчинении новой революционной власти в лице Государственной думы. Судя по имеющимся материалам, Экгард был единственным приставом, который рано утром 28 февраля 1917 года пришел в Государственную думу. Это обстоятельство способствовало тому, что арестован он не был. Подчеркнем и то, что никакого шествия городских во главе с приставом Экгардом к Таврическому дворцу не было, т.к. он пришел сюда в одиночку! Несколько позднее, по словам «Вечернего курьера», Экгард «явился в полной форме» к петроградскому общественному градоначальнику В. А. Юревичу с просьбой отправить его на фронт³⁷. Скорее всего, газета приукрасила приход Экгарда к Юревичу, одев его в «полную форму» пристава.

Среди помощников приставов тоже оказались лица, которые искали свой путь в революцию. Так, служащий в Управлении главного уполномоченного по снабжению металлами Д. С. Большаков обратился в ОСО с заявлением, в котором сообщил со слов жены младшего помощника пристава 1-го полицейского участка Петроградской части Петра Яковлевича Остащенко, что тот, переодевшись в штатское платье, направился в Государственную думу, чтобы «заявить о своей солидарности с народным движением». По дороге в Думу Остащенко был опознан кем-то «в Александровском парке близ Нар[одного] дома». Во время обыска он «воскликнул: Братцы! Я с Вами!»³⁸. Заметим, что до революции, по словам Большакова, Остащенко «говаривал, что если бы “встал народ, он первый присоединился бы к нему”». Заявитель подчеркнул, что «это звучало искренне», хотя и в момент распития коньяка³⁹. Младшему помощнику пристава 1-го полицейского участка Литейной части

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

³⁹ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 20; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

штабс-капитану Ивану Ивановичу Кубяну удалось, избежав по дороге ареста, дойти 2 марта 1917 г. до Таврического дворца, где он «предложил свои услуги Временному комитету Гос[ударственной] думы»⁴⁰.

Полицейские надзиратели в большем количестве, чем приставы и их помощники, встали на сторону революционеров. Так, полицейский надзиратель 2-го участка Петроградской части Семен Амвросиевич Рыжевич показал 31 марта 1917 г. в ОСО: «Я добровольно явился в Военную тюрьму 2 марта сего года, не зная куда деваться и сам бы пошел по улицам со всеми (т.е. принял бы участие в революции! – А. Н.), но боялся лишь, чтобы не избили»⁴¹. Как видим, в этом случае «страх» быть избитым восставшими стал причиной тому, что полицейский надзиратель не смог открыто перейти на сторону революции. Полицейский надзиратель того же участка Иван Павлович Перовский пришел в Кадетский корпус, где узнал, что тот перешел на сторону революционного движения. Перовский «решил присоединиться к ним тоже». Через вахтера он начал вести об этом переговоры с начальством Кадетского корпуса, но, по словам Перовского, «явились солдаты и меня отвели, сперва в Петровский парк, пока я[,] наконец[,] не попал в “Кресты”»⁴². Полицейский надзиратель 4-го участка Нарвской части Петр Евтрониевич Быков в отличие от Рыжевича и Перовского точно знал, куда идти и что делать. Он «явился добровольно в Гос[ударственную] думу», где изъявил «желание служить новому правительству»⁴³. Но его услуги революционной власти негодились.

Иногда полицейские надзиратели использовались восставшими помимо их воли. Выявлен случай, когда полицейский надзиратель 2-го участка Адмиралтейской части Кирилл Леонтьевич Юдин, арестованный 1 марта, по пути в Государственную думу «совместно с патрулем принимал участие в обыске на кварт[ире] бывш[его] мин[истра] землед[елия] Кривошеина»⁴⁴⁴⁵. Об этом факте Юдин не постеснялся сообщить, давая показания члену КОМЗ,

---

⁴⁰ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 14. Л. 66.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 130. Л. 5 об.

⁴² Там же. Д. 119. ЛЛ. 3 об.–4.

⁴³ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.

⁴⁴ Статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного совета Александр Васильевич Кривошеин проживал в д. 36 по ул. Сергиевской (Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания / Под ред. А.П. Шашковского. Пг., 1917. С. 355). Ул. Сергиевская – ныне ул. Чайковского.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 167. Л. 1 об.

тем самым совершив внутреннее согласие на участие в этом обыске и обозначив свою причастность к революции.

В других случаях полицейские надзиратели принимали участие в революции сознательно, хотя действовали не свободно, т.к. их воля была ограничена требованиями восставших. Например, полицейский надзиратель 2-го участка Андрей Кирьянович Чуприков «1 марта на улице искал с солдатами стрелявших», а 2 марта добровольно явился в Государственную думу⁴⁶. Укажем, что до революции он высказывал недовольство своей службой в полиции⁴⁷. Полицейский надзиратель этого же участка Александр Платонович Рябов, тоже недовольный своей службой⁴⁸, по словам его жилички Н. Е. Костыловой (10-я рота, д. 15, кв. 4), говорил ей 27 февраля, что «пристав <...> распустил их и приказал им прятаться; что прятаться он не будет, т.к. это подло, а лучше присоединится к народу». 28 февраля Рябов, по словам Костыловой, «вышел на улицу в штатском с красным флагом в руках и, подойдя к толпе народа, сдался»⁴⁹. Об этом же сообщила в ОСО другая его жиличка – А. М. Золотова⁵⁰. Укажем на противоречия в показаниях Косылевой: передавая слова Рябова, сказанные им 27 февраля, она говорила, что он хотел присоединиться к народу, рассказывая же о событиях 28 февраля, она утверждала, что Рябов сдался народу. Видимо, вслед ей вторила и Золотова, ее соседка по квартире. Хотя, старший дворник д. 23 по 12-й роте З. П. Клубничкин в своих показаниях в ОСО, как бы подтверждая слова свидетелей о намерении Рябова, заявил: «В дни революции видел его 26 и 27 февраля. Он говорил мне, что хочет идти в Технологический институт, чтобы сдать»⁵¹. В связи с этим приведем показания свидетельницы М. П. Уренковой (12-я рота, д. 11, дворничка): «Я видела, как Рябов с красным флагом вышел из своей квартиры к толпе народа и заявил про себя, что он околоточный надзиратель и готов идти с народом»⁵². Можно утверждать, что Рябов вышел на улицу не с целью сдать восставшим, а – встать в их ряды. И к этому он готовился: во-первых,

⁴⁶ Там же. Д. 175. Л. 1.

⁴⁷ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 21–22; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 175. Л. 2 об.

⁴⁸ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 21; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. ЛЛ. 3–5.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 5.

⁵¹ Там же. Л. 4 об.

⁵² Там же.

по словам К. С. Садикова, рабочего мебельной фабрики Ф. Ф. Тарасова, «месяцев 5 тому назад (т.е. в октябре-ноябре 1916 г. – А.Н.) Рябов говорил в конторе фабрики в присутствии нескольких человек, что если бы началась революция, то он первый стал бы на сторону революционеров»⁵³; во-вторых, он где-то заранее достал или специально изготовил красный флаг, чтобы обозначить себя перед восставшими как «своего». Показания свидетелей передают реакцию толпы на появление Рябова с красным флагом: «его хотели убить, но очень многие вступились за него и его оставили (т.е. не убили – А.Н.)» (Н. Е. Костылова)⁵⁴; «толпа хотела его убить, но я уговорил не трогать его» (Н. Смирнов)⁵⁵; «его хотели убить, но я уговорил оставить Рябова» (Я.А. Заварзаев)⁵⁶. Восставшие, по словам Костыловой, «просили (Рябова – А.Н.) показать квартиры других околоточных, что он и сделал»⁵⁷. Торговец фруктами в разнос Н. Смирнов заявил, что он предложил использовать Рябова «для указания квартир других чинов полиции»⁵⁸. Я. А. Заварзаев же утверждал, что именно он выступил с этим предложением⁵⁹. Как следует из показаний Смирнова и Заварзаева, Рябов указал квартиры помощника пристава Реута и околоточного Безрукова⁶⁰. Но на этом он не остановился и сделал то, что от него не просили. Как сообщил Н. Смирнов, «Рябов повел толпу к колокольне Церкви Св. Троицы (на Измайловск[ом] пр.), говоря, что там должна быть также полиция». Смирнов, не участвовал в этой операции, но «слышал, будто там, действительно несколько человек полицейских»⁶¹. После этого Рябова отвезли в Государственную думу, откуда он был отпущен, но 3 марта его снова арестовали⁶².

Перешли на сторону революции и некоторые городовые. Например, городской Павел Иванович Бойко, как следует из записи, сделанной членом НСК, «оружие выдал революционному народу[,] к которому присоединился

---

⁵³ Николаев А. Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 25; ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. Л. 4.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. Л. 3 об.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ Там же. Л. 5.

⁵⁷ Там же. Л. 3.

⁵⁸ Там же. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Л. 5.

⁶⁰ Там же. ЛЛ. 4–5.

⁶¹ Там же. Л. 4.

⁶² Там же. Л. 2.

<...> добровольно»⁶³. Городовой 2-го полицейского участка Адмиралтейской части Василий Петрович Костин показал ОСО: «<...> я присоединился к солдатам на Невском 28 / II. Проходил с ними до 1 / III»⁶⁴. Комендант Таврического дворца М. А. Караулов выдал Ивану Яковлевичу Борзыкину удостоверение на клочке бумаги следующего содержания: «Бывшему городовому Борзыкину, явившемуся с повинной, Временное правительство разрешает служить народу, как честному гражданину подобает явиться [к] начальнику штаба Района»⁶⁵. Судя по имеющимся документам, городовые Бойко, Борзыкин и Костин ни в каких действиях восставших участия не принимали.

Другие городовые сумели оказать услуги революции. По словам М. П. Марченковой, жены городского 1-го участка Казанской части Петра Кирилловича Марченкова, городской того же участка Селиванов указывал «по требованию обыскивающих квартиры городских». Она показала, что Селиванов участвовал в обыске на их квартире, который «производился тремя солдатами и одним штатским»⁶⁶. Городовой 2-го участка Адмиралтейской части Иван Николаевич Крылов сообщил в ОСО, что 28 февраля 1917 г. он явился добровольно в Государственную думу. Сдав в Думе револьвер, он вместе с солдатами поехал в свой участок, где было взято «все оружие». Вернувшись в Государственную думу, Крылов был отпущен помощником коменданта. 1 марта он снова пришел в Таврический дворец, рассчитывая, видимо, что вновь будет использован в других операциях революционеров, но в этот день он был задержан и оставлен в Государственной думе⁶⁷. Городовой Охтенского участка Леонтий Андреевич Згадов после его разгрома восставшими «ездил на автомобиле и арестовывал других городских». 1 марта он добровольно «явился в Государственную думу и сдался»⁶⁸.

Таким образом, начиная со второй половины дня 27 февраля 1917 года часть петроградских полицейских от приставов и до городских стала переходить на сторону революции. Подчеркнем, что организованных коллективных форм этот процесс в отличие от воинских частей не приобрел, и каждый полицейский должен был искать свой собственный путь в ряды восставшего

⁶³ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. Л. 67.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

⁶⁵ Николаев А. Б. Революция и власть. С. 505; РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 32, 129.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 103. ЛЛ. 7 об.–8.

⁶⁷ Там же. Д. 87. Л. 1.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

народа. Необходимо также указать, что восставшие не готовы были расширить «революционную армию» за счет включения в нее полицейских в качестве ее равноправных участников. Вместе с тем Государственная дума как центр революции и штаб восстания, а также толпы восставшего народа использовали полицейских как носителей информации об адресах чинов полиции и местах хранения оружия. Некоторые полицейские, переодевшись в гражданскую одежду, т.е. анонимно, принимали участие в отдельных мероприятиях восставших. Можно утверждать, что переход полиции на сторону революции не был принят восставшим народом, т.е. не получил общественной поддержки. Как правило, полицейские, перешедшие на сторону восставших, в конечном счете, оказывались под арестом, а в дальнейшем были отправлены на фронт, если этому не препятствовали возраст и состояние здоровья.

Говоря о причинах того, что некоторые петроградские полицейские оказались в рядах революционеров, пусть даже анонимно и на короткое время, необходимо учитывать следующее: уже накануне Февральской революции среди них были лица, во-первых, недовольные своей службой, а также порядками, царившими в полиции и стране; во-вторых, готовые перейти на сторону восставших в случае начала революции. Иначе говоря, для указанных категорий полицейских «страх» не мог сыграть решающую роль в изменении настроений и взглядов, ибо они к этому времени уже сформировались.